

Телестудия, где должны были проходить съёмки, располагалась на семнадцатом этаже. Нин Цзань, приглашённый в качестве специального гостя, приехал заранее — исключительно из вежливости. Торчать за кулисами до начала эфира не имело никакого смысла, тем более что до запуска моторов оставалось порядочно времени.

Тем не менее он всё же заглянул в гримёрку, чтобы поприветствовать команду. Согласовав точное время начала съёмок и прикинув, когда именно наступит его черёд выходить на площадку, Нин Цзань предупредил, что немного прогуляется по зданию и вернётся к назначенному часу.

Администратор, приветливый и улыбчивый, понимающе кивнул, а затем перевёл тёплый взгляд на притихшего Нин Лэлэ.

— Это ваш малыш, учитель Нин? Какой очаровательный кроха!

— Да, мой сын, Лэлэ. — Нин Цзань легонько погладил мальчика по плечу. — Поздоровайся с дядей, сынок.

Лэлэ, по-прежнему сидевший на руках у Си Шэньчу, при звуках отцовского голоса расплылся в такой сладкой улыбке, что его глаза превратились в весёлые полумесяцы:

— Здравствуйте, дядя!

Искренняя детская радость всегда заразительна. Стоило Лэлэ улыбнуться, как лицо сотрудника озарилось ещё более широкой и добродушной улыбкой:

— И тебе привет, Лэлэ! Ну что за чудо-ребёнок.

Нин Цзань посмотрел на сына, ожидая, что тот по своей привычке выдаст дежурное: «Вы тоже очень милый», — как совсем недавно брякнул Си Шэньчу. Однако в этот раз малец решил спутать все карты.

Едва комплимент слетел с губ мужчины, как Лэлэ забавно закрыл личико ладошками и смущённо пропищал:

— Ой, дядя, вы меня так захвалили... Я сейчас совсем засмущаюсь!

Сотрудник на мгновение опешил от такой непосредственности, а затем рассмеялся с ещё большим умилением. Очарованный поведением мальчика, он проникся симпатией и к его отцу. Взгляд, которым он теперь смотрел на Нин Цзаня, так и лучился теплотой:

— Учитель Нин, вы вполне можете заняться своими делами. Оставьте только номер телефона

для связи на всякий пожарный. Насчёт съёмок не переживайте, спешить некуда. Достаточно будет, если вы подойдёте минут за десять до старта.

Нин Цзаню под этим ласковым, почти родительским взглядом до безумия захотелось закрыть лицо рукой. Со стороны могло показаться, будто произошло нечто из ряда вон выходящее.

Впрочем, он прекрасно отдавал себе отчёт: эта внезапная благосклонность предназначалась не известному гостю Нин Цзаню, а исключительно папе этого невозможного очаровательного сорванца.

— Огромное вам спасибо, — ответил Нин Цзань и легонько сжал крошечные пальчики сына. — Скажи дяде «спасибо» и попрощайся. Нам пора идти.

— Спасибо, дядя! До свидания! Мы пошли гулять, папа обещал мне мороженое! — Лэлэ принялся усердно махать ручкой на прощание.

— Хорошо вам отдохнуть! — донеслось вслед.

— Да, мы обязательно повеселимся на славу! — с предельно серьёзным видом кивнул Лэлэ, будто отправлялся не на прогулку, а на выполнение миссии государственной важности.

Черкнув свой номер на листке, Нин Цзань наконец увёл свою пёструю компанию подальше от гримёрных.

Едва они вышли в просторный коридор, Нин Цзань посмотрел на сына, который по-прежнему вольготно устроился на руках у Си Шэньчу, и протянул к нему руки:

— Лэлэ, слезай. Дядя уже устал тебя тащить, давай ко мне.

Мальчик, однако, не спешил бросаться в объятия отца. Вместо этого он заглянул в лицо Си Шэньчу и заговорщически спросил:

— Милый дядя, ты правда устал?

— Ни капли, — ровным, уверенным голосом ответил Си Шэньчу. — Я могу носить тебя хоть несколько дней напролёт и даже не замечу. А вот твоему папе тяжело. Ты ведь уже большой мальчик, Лэлэ, нужно беречь отца.

При этих словах Си Шэньчу многозначительно скользнул взглядом по тонким рукам Нин Цзаня.

Нин Цзань промолчал, лишь мысленно вздохнув. Он опустил глаза, невольно прикинув объём своих бицепсов в сравнении с широкими плечами собеседника. Ладно, спорить бесполезно — весовые категории явно разные.

— Лэлэ, мы же договаривались, — со значением произнёс Нин Цзань, выделив интонацией последнее слово. — Нужно называть его дядей Си, а не «милым дядей».

В глубине души он искренне надеялся, что солидному, взрослому господину Си претит столь легкомысленное прозвище из уст малолетнего проказника.

Лэлэ смешно склонил голову набок и посмотрел с такой неподдельной обидой, что любой бы растаял:

— Значит, нельзя говорить «милый дядя»?

— Можно, — тут же отозвался Си Шэньчу, даже не дав Нин Цзаню вставить слово.

Обида с детского лица испарилась в то же мгновение, уступив место абсолютному восторгу. Мальчик победоносно обернулся к отцу:

— Вот видишь, папа! Милый дядя разрешил!

Нин Цзань со вздохом потянулся к сыну и беззлобно ущипнул его за пухлую щёку:

— И в кого ты такой хитрый растёшь? Настоящий манипулятор. Ты ведь специально так спросил, чтобы дяде Си было неловко отказать!

Затем он перевёл извиняющийся взгляд на мужчину:

— Вы уж простите его. Совсем разбаловался, границ не видит.

Си Шэньчу посмотрел Нин Цзаню прямо в глаза. Во взгляде его не было ни тени иронии:

— А я, по-твоему, не милый?

На секунду Нин Цзань застыл, решив, что у него начались слуховые галлюцинации. Чтобы удостовериться в собственном рассудке, он растерянно переспросил:

— Простите... что?

Си Шэньчу с абсолютной серьёзностью повторил слово в слово:

— Я разве не заслуживаю звания милого?

В этот раз в глубоком баритоне Си Шэньчу отчётливо прозвучали нотки детской обиды.

«Обиды?! Господи, да на что тут обижаться? Значит, слух его всё-таки не подвёл. Этот грозный, суровый на вид мужчина действительно на полном серьёзе добивался от него признания собственной «милоты»?»

Взрослый, состоявшийся мужчина. Без тени улыбки на лице. Он вообще себя со стороны видел?

Нин Цзань вгляделся в его суровый профиль, надеясь обнаружить хоть намёк на шутку. Тщетно. Лицо Си Шэньчу оставалось бесстрастным, как гранитная плита. С такими чертами лица и тяжёлым, властным взглядом он походил на кого угодно — на безжалостного воротилу бизнеса, на криминального авторитета, но уж точно не на того, к кому применимо слово «милый».

Из ступора Нин Цзаня вывело мягкое прикосновение к щеке. Опустив взгляд, он увидел, что Лэлэ бережно обхватил его лицо своими крошечными тёплыми ладошками.

— Папочка, ну почему же дядя Си не милый?

На лице сына застыло точно такое же суровое, требовательное выражение, как и у взрослого мужчины перед ним.

Шок от абсурдности вопроса Си Шэньчу уступил место тихому отчаянию. Нин Цзань мысленно взмолился: «Сын, да понимаешь ли ты вообще истинное значение этого слова?!»

Противостоять этому союзу суровой невозмутимости и детского упрямства было выше его сил. Нин Цзань поднял руки в притворном жесте капитуляции:

— Милый, невероятно милый. Всё, сдаюсь, ваша взяла.

Получив желаемый ответ, заговорщики наконец синхронно и удовлетворённо кивнули. Лэлэ убрал ладошки от лица отца, поудобнее обнял Си Шэньчу за шею и воинственно вскинул крошечный кулачок:

— Вперёд, папа! Вперёд, мой милый дядя!

Слышать из уст собственного ребёнка словосочетание «милый дядя» применительно к этому скале-человеку было выше сил Нин Цзяня. Он поспешно тряхнул головой, отгоняя навязчиво всплывающий в воображении образ брутального громилы в розовой пачке.

«Ладно, бог с ними, — подумал он. — Если сам Си Шэньчу в восторге от этой нелепости, то мне-то какая печаль?»

Огромный небоскрёб напоминал обособленный вертикальный город со своей сложной инфраструктурой. Поскольку Нин Цзянь оказался здесь впервые, он совершенно не ориентировался в хитросплетениях коридоров и переходов. К счастью, у них был идеальный проводник. Си Шэньчу знал здание как свои пять пальцев и на любой, даже самый пустяковый вопрос Нин Цзяня тут же давал исчерпывающий ответ.

Большинство этажей занимали строгие офисы коммерческих компаний, куда посторонним вход был закрыт, да и смотреть там было не на что. Поэтому они решили ограничиться зонами отдыха и развлечений, расположенными на средних уровнях: современными спортзалами, ресторанными дворами и просторными детскими игровыми площадками.

— Этот спортзал принадлежит сторонней сети? — поинтересовался Нин Цзянь, заглядывая сквозь панорамное стекло в просторный зал, уставленный новейшими тренажёрами.

— И да, и нет, — ответил Си Шэньчу. — Этот комплекс ориентирован исключительно на резидентов небоскрёба. Руководство предлагает компаниям-арендаторам выгодные корпоративные пакеты. Сотрудники фирм, оплативших абонемент, могут тренироваться здесь совершенно бесплатно, просто предъявив пропуск.

Ещё раз оценив премиальное оснащение зала и продуманное зонирование, Нин Цзянь уважительно хмыкнул:

— Весьма дальновидный подход. Владелец этого места точно знает толк в бизнесе.

— Милый дядя, мне же совсем ничего не видно! — капризно протянул Лэлэ, устроившись за широкой спиной Си Шэньчу.

«Совсем на шею сел в прямом и переносном смысле», — недовольно подумал Нин Цзянь, решив мягко пожурить сына за невоспитанность. Однако, обернувшись, он так и застыл с полукруглым ртом.

Пока он размышлял, Си Шэньчу ловким, привычным движением посадил мальчика и устроил его прямо у себя на плечах. Не успел отец и глазом моргнуть, как довольный Лэлэ уже восседал на этой импровизированной высоте, крепко держась за голову мужчины и с любопытством разглядывая блестящие тренажёры.

Заметив ошарашенный взгляд Нин Цзяня, Си Шэньчу невозмутимо пояснил:

— Всё в порядке. Я держу крепко, он не упадёт.

Действительно, Си Шэньчу надёжно страховал ребёнка со спины, готовый в любую секунду скорректировать любое неосторожное движение.

Нин Цзянь почувствовал странную смесь изумления и бессилия. Его поражала та лёгкость, с которой сын принял этого практически чужого человека, и ещё больше — то поразительное терпение, с которым суровый бизнесмен потакал детским капризам.

— Вы слишком ему потакаете, — негромко вздохнул Нин Цзянь. — Он ещё мал и порой не понимает границ. Не бойтесь отказывать ему, когда он начинает вредничать.

Хотя, если быть до конца честным, Лэлэ даже не просил об этом — Си Шэньчу сам проявил инициативу, стоило малышу лишь слегка поскукнеть.

— Если ему это приносит радость, то почему бы и нет? — спокойно ответил Си Шэньчу и сделал шаг ближе к панорамному остеклению.

Оказавшись на такой непривычной высоте, Лэлэ буквально затаил дыхание от восторга. Прижавшись ладошками к прохладному стеклу, он заворожённо разглядывал происходящее внутри зала, и в его широко раскрытых глазах плясали весёлые искорки.

Внутри у Нин Цзяня упорно крепло ощущение какой-то нереальности происходящего.

— Господин Си, у вас действительно нет никаких неотложных дел?

— Дела есть всегда, — ровным тоном отозвался тот. — Но приоритеты я расставляю сам.

Нин Цзянь удивлённо приподнял бровь:

— Что вы имеете в виду?

— Я подстроил эту встречу, — прямо заявил Си Шэньчу, продолжая смотреть перед собой сквозь стекло.

Нин Цзянь растерялся:

— Как это?

— Не вижу смысла скрывать очевидное, — Си Шэньчу слегка повернул голову к собеседнику. — Я заметил вас ещё на парковке, у самого входа. Но не стал подходить сразу.

В памяти Нин Цзяня мгновенно всплыл их недавний разговор на подземной стоянке и тот странный, обескураживающий вопрос, который задал Си Шэньчу. В тот момент он так запаниковал, что поспешил уехать, а позже убедил себя, что это была глупая шутка, не заслуживающая внимания.

Однако сейчас он с пугающей отчётливостью понял: мужчина говорил абсолютно серьёзно.

— Но... зачем всё это? — тихо спросил Нин Цзянь.

— На некоторые вещи в этой жизни нет простых ответов, — Си Шэньчу наконец полностью повернулся к нему. — Я понимаю твои опасения и ни в коем случае не хочу торопить события. Давай просто начнём с дружбы. Что скажешь?

Си Шэньчу выжидающе смотрел на него. На его плечах, словно на царском троне, сидел Лэлэ, который тоже с любопытством уставился на отца.

Всё это время внимание мальчика было поглощено ярким спортзалом, поэтому сути разговора взрослых он не уловил. Разобрав лишь последнюю фразу, он с готовностью закивал:

— Конечно можно, папочка! Соглашайся!

Нин Цзянь не выдержал и негромко рассмеялся:

— И на что же ты меня подбиваешь, егоза? Ты хоть понял, о чём речь?

— А разве... разве не про мороженое? — захлопал глазами Лэлэ.

— У тебя на уме одно сладкое, — с притворной строгостью пожурил его Нин Цзянь. — А ну-ка скажи, ты вообще знаешь, что значит слово «милый»?

— Знаю, конечно! — Лэлэ гордо вскинул руку. — «Милый» — это когда кто-то очень-очень хороший! Вот я хороший, значит, я милый. И дядя хороший, и ты, папа! Вы все у меня самые милые!

Си Шэньчу едва заметно улыбнулся и негромко подтвердил:

— Тут он абсолютно прав. Твой папа действительно очень милый.

Нин Цзань лишь безмолвно возвёл очи к небу.

<http://bllate.org/book/19617/2038671>